

Тринадцать экзаменационных работ лежали рядом, остальные император отодвинул в сторону.

Юный государь смотрел на эти тринадцать свитков, и в его глазах словно бушевала буря. В ней клубился дым далёких сражений, вздымались чудовищные волны морской пучины, сверкали молнии в грозовых тучах.

Согнувшийся рядом Фудэ что-то почувствовал и взглянул на Се Лина.

Но буря в глазах юноши мгновенно угасла, и его алые губы тронула улыбка.

Он посмотрел на Фудэ, и на лице его появилась давно забытая, почти детская радость.

— Думаю, я нашёл его, — произнёс он.

Однако за этой улыбкой, светлой как у ребёнка, Фудэ уловил тень, способную поглотить всё. Его охватило смутное предчувствие — должно случиться нечто ужасное.

Никто не знал стиль преподавания того человека лучше, чем Се Лин.

Уникальный, ни на что не похожий, его нельзя было спутать ни с чьим другим. Он узнавал его с первого взгляда.

Какого же терпения это ему стоило! Просматривая одну работу за другой, он собирал в уме все сходства, а затем лично составил вопросы для дворцового экзамена, чтобы проверить свою догадку.

И получил желаемый ответ.

Императорская корона зашелестела, яшмовые подвески зазвенели. Он откинул голову и мягко прикрыл глаза.

Лютую ненависть и любовь уже не разобрать — они сплелись в тугой клубок, заглушив все прочие чувства. Он прикусил язык до крови и почувствовал во рту вкус железа.

Тот человек жив. Как он и думал, жив и здоров.

Он бросил его без всякой причины. И сколько бы Се Лин ни искал, как бы ни мучил себя — тому не было до этого никакого дела.

Он вдруг рассмеялся, и прозрачная слеза бесшумно скатилась по его пальцу.

— Я так счастлив, Фудэ, — обратился он к своему спутнику.

Теперь он больше не будет мягким.

Он больше не тот ребёнок, что плакал и умолял не уходить. Не тот, кого можно было уболтать сладкими речами, простить всё и снова стать для того «послушным мальчиком».

Звёзды сияли вокруг луны в ночном небе. Сюй Фусы сидел у окна, настраивая новую цитру и размышляя, почему его ученики до сих пор не вернулись.

Почему-то на сердце у него стало беспокойно.

Еда на кухне уже остыла — разогреют, когда вернутся. Без собеседника было немного скучно.

К счастью, ждать пришлось недолго: вскоре вернулись Е Цзысинь и остальные.

— Учитель!

Сюй Фусы кивнул слуге:

— Скажи на кухне, чтобы разогрели ужин.

Слуга поспешил исполнить приказ. Сюй Фусы убрал цитру. — Почему так поздно? Дворцовый экзамен затянулся?

Е Цзысинь собрался ответить, но Ли Сяо опередил его. — Экзамен вышел странным. Его Величество задержал нас надолго.

Сюй Фусы, уже собравшийся ставить инструмент на место, остановился и обернулся. Взгляд его стал пристальным. — Он что-то спрашивал?

Ли Сяо, не задумываясь, принялся вспоминать. — Много о чём. Спрашивал каждого, вопросов было столько, что и не перечислишь сразу.

— Учитель, я есть хочу, — жалобно добавил он.

Только тогда Сюй Фусы поставил цитру в шкаф и накрыл её парчой. — Еду уже разогревают.

Ли Сяо расплылся в ухмылке. — Знаю, учитель о нас всегда заботится.

Вся компания, изголодавшись, отправилась в главный зал. Ученики принялись наперебой рассказывать Сюй Фусы о событиях дня. Тот подпирал щеку рукой и лениво слушал, пока Ли Сяо не произнёс:

— А ещё Его Величество спросил, кто наш учитель. Вы даже не представляете, учитель, как он вами заинтересовался!

Расслабленная улыбка медленно сошла с лица Сюй Фусы. Он напрягся. — Спрашивал обо мне?

Разогретые блюда уже несли в зал. Ли Сяо, уткнувшись в тарелку, уплетал еду и бормотал сквозь полный рот:

— Не только о вас, обо всех учителях спрашивал. Много о ком. — Но его одолевало странное чувство, которое он не мог объяснить. Если бы пришлось сформулировать... казалось, вопросы императора об их учителе были какими-то особенными.

От этих слов Сюй Фусы не стало легче.

Вот это да. Если он не ошибается, на дворцовом экзамене не принято спрашивать, кто у тебя был наставником.

— Да и вопросы были странные, — подхватил Гу Цзянь. — Например: «Слепой подошёл к краю пропасти, почему он вдруг остановился и повернул назад?» Или: «Что всегда должно наступить, но никогда не наступает?» Или вот: «В норе пять мышей. Кошка залезла в нору и съела одну. Сколько мышей осталось?»

— Если бы учитель раньше не разбирал с нами подобное, мы бы или не ответили, или ответили неправильно.

В памяти всплыли картины прошлого. Се Лин, семь лет.

— Слепой подошёл к краю пропасти, почему он вдруг остановился и повернул назад?

— Потому что его посох упёрся в пустоту?

Малыш с ещё пухлыми щёчками сидел на коленях у юноши и старательно думал.

Юноша тихо рассмеялся. — Потому что он был слеп только на один глаз.

Се Лин, девять лет.

— Что всегда должно наступить, но никогда не наступает?

— Не знаю, — прошептал маленький принц, прижимаясь щекой к щеке юноши. — Дэндэн, скажи мне.

— Завтра.

Се Лин, одиннадцать лет.

— В норе пять мышей. Кошка залезла в нору и съела одну. Сколько мышей осталось?

— Все мыши разбежались! Ни одной не осталось!

— Ваше Высочество просто гений!

— Конечно! — с гордостью вскинул голову малыш. — Ведь мой Дэндэн — самый лучший, поэтому и я тоже.

Дальнейшие слова Сюй Фусы уже не различал.

Он не ожидал, что попадётся на этом.

В одно мгновение он осознал свою роковую ошибку.

Ему не следовало становиться учителем. Стиль преподавания человека почти невозможно изменить, и этот стиль неизбежно отпечатывается на учениках.

В Академии Циншань все учебные материалы были его собственной разработки. Студенты слушали его лекции, решали задачи, которые он сам составлял.

Они глубоко впитали его подход, и в их работах явственно проступал его почерк, от которого теперь не избавиться.

Сюй Фусы: «...»

Кому в голову придёт искать человека по вопросам с выпускных экзаменов?! Точнее, по вопросам для поступления в аспирантуру?! Чёрт!

Ли Сяо продолжал говорить, а Е Цзысинь заметил странность в поведении учителя. — Учитель?

Сюй Фусы очнулся, положил палочки. На его лице не дрогнул ни один мускул, он даже улыбнулся. — Завтра объявят ваши окончательные места.

Сюй Фусы поужинал с учениками. Когда те разошлись по комнатам отдыхать, он окликнул Ли Сяо.

Тот последовал за учителем в его спальню. Е Цзысинь остался стоять на месте. Он ждал, что учитель позовёт именно его, спросит о том, что его волнует. Но сегодня Сюй Фусы прошёл мимо, выбрав Ли Сяо.

Может, прошлой ночью... учитель действительно проснулся.

Эта мысль молнией пронеслась в его голове.

Но даже если и проснулся — уже поздно.

Он вспомнил человека в официальных одеждах, которого встретил у дворцовых ворот, — заместителя министра Министерства чинов Е Чаотяня.

Никто не знал, о чём они говорили.

Но он знал, что скоро получит то, чего хочет.

В спальне Сюй Фусы снял деревянную шпильку для волос. — Ты видел императора? Как он выглядит?

На дворцовом экзамене лишь те, кто занял первые места, удостоивались чести лицезреть Сына Неба. Остальные, даже проходя собеседование, видели его лишь сквозь густую бахрому яшмовых подвесок, почти не различая черт.

— Кажется, здоровье у Его Величества неважное, — сказал Ли Сяо. Во время аудиенции он лишь украдкой взглянул на императора, поражённый его неземной красотой. — Лицо бледное, совсем без румянца. Пока спрашивал нас, дважды выпил лекарство. И оно, кажется, было очень горьким.

Ли Сяо терпеть не мог горечи.

<http://bllate.org/book/15951/1426308>